

Пациенты планеты Земля

— Почему меня привезли в больницу? Я здорова! — громко возмущалась пожилая женщина с пластырем на лице.

— А зачем вы пугали пассажиров троллейбуса? Угрожали себе "...телесной расправой", кричали, топали ногами, размахивали сумкой и били себя по щекам? — спокойно отвечал Алистер Петрович.

— Я кого-то ударила или разбила окно? — удивлялась Елена Степановна.

— Вас привезли в больницу, чтобы вы этого не совершили и не нанесли себе еще больший вред, — монотонно бубнил врач.

За многолетнюю практику психиатру Алистеру Петровичу не раз приходилось общаться с подобными пациентами. Их внутренний конфликт был налицо — они разговаривали сами с собой. На улице, дома, в общественных местах не прекращался их диалог вслух. Правда, не всегда это приводило к таким плачевным результатам. Ну, идет человек по улице, тихо шепчет что-то себе под нос... Кому он мешает? Но чтобы так! Довести дело до мордобоя! И только потому, что возникли разногласия с внутренним голосом!..

— Я ему говорю: не приставай ко мне с политикой. Не интересуют меня ракеты "земля-воздух", — рассказывает тем временем Елена Степановна. — А он мне: "Если не интересуют тебя эти ракеты, значит ты — дура". Я ему объясняю, что не до ракет мне, тут бы пенсию получить, детям и внукам помочь, за квартиру вовремя заплатить, а он мне: "Как же, заплатишь ты за квартиру, если по твоему городу шарахнут этими ракетами!". Я ему: "Заткнись, не до тебя!", а он мне: "Таким идиоткам, как ты, следует ежедневно проводить политический ликбез...". Как можно терпеть такие оскорбления? И от кого? От внутреннего голоса!!!

— А вы не пробовали разговаривать на разные темы не с собой, а с кем-нибудь из людей? Например, с мужем или подругами? — поинтересовался Алистер Петрович.

— Пробовала. Но разве люди умеют слушать? Они ждут (если ждут, конечно, не перебивают), пока человек закончит говорить, для того, чтобы рассказать о себе.

— Думаю, вы преувеличиваете, Елена Степановна. Я же не только по долгу службы выслушиваю людей. Взять, к примеру, моих близких — у каждого свои интересы, помимо наших общих, конечно. Я обожаю фут-

бол, но мне понятно раздражение жены по этому поводу. Женщины мало соображают в спортивных состязаниях и никогда не бывают яркими болельщиками. Я говорю жене: "Не нравится — не смотри". Слава Богу, у нас в каждой комнате по телевизору. А вот она не слишком понятливая! Три раза в неделю занимается аэробикой и не шурурует мозгами, что я мало того, что нервничаю по вечерам, ожидая ее возвращения, еще и раздражен, потому что хочу есть...

Алистер Петрович хотел продолжить свой рассказ и тут увидел, что Елена Степановна поудобней устроилась в кресле в покорной готовности слушать. Внезапно до него дошло, что он говорит ей о своих проблемах, и он с ужасом отрефлексовал, что последний вопрос задал ей именно с этой целью — рассказать о себе.

— Говорите, говорите, — одобряюще улыбнулась женщина в ответ на его растерянный взгляд, — я привыкла к тому, что люди любой разговор переводят на себя.

Алистер Петрович неловко усмехнулся, но Елена Степановна не казалась смущенной. Она размышляла вслух:

— Несколько лет назад увидела рекламу: маленький мальчик поцарапал руку, и его мама решила обработать ранку зеленкой. Но в это время услышала свой внутренний голос: "Попробуй мыло... какой-то там фирмы". Она послушала его и воспользовалась мылом.

— Вы к чему это рассказываете? — не понял врач.

— А к тому, — повысив голос, сказала Елена Степановна, — что если бы мыло вызвало у ребенка аллергию или заражение крови, бедная женщина не только бы топала ногами, размахивала руками и била себя по щекам, но и попыталась бы его устранить физически.

— Кого? — не понял Алистер Петрович.

— Свой внутренний голос, — уверенно изрекла пациентка.

— Но это же самоубийство!

— А есть другой способ его устранить?

Алистер Петрович почувствовал, что больше не может разговаривать с Еленой Степановной.

— Мыло не может вызвать заражение крови. Мы еще денек подержим вас в больнице. А на будущее мой вам совет: не увлекайтесь чрезмерными беседами с внутренним голосом.

— Будущего нет, если нет настоящего, — ответила женщина, тихо затворяя за собой дверь.

...Весь день Алистер Петрович пытался отвлечься от странного разговора. Но вместо этого убеждался в том, что люди не слышат друг друга и все разговоры переводят на себя.

— Ты в порядке? — спросил его врач реанимационного отделения, и, не дожидаясь ответа, принялся подробно рассказывать о том, как хороша в постели новая медсестра.

Вечером праздновали день рождения знакомого хирурга, и жена именинника, подняв бокал, произнесла тост: "За тебя, мой дорогой, но кем бы ты был без меня!!!".

По дороге домой он встретил двух девушек и услышал вопрос-ответ одной из них:

— Как твой жених? А мой — цветы и конфеты принес...

В это время пожилая женщина, поднимаясь по лестнице, споткнулась на ступеньке и сломала каблук. Рассматривая поломку, она громко спросила сама себя:

— Я тебя предупреждала, что надо ставить новые набойки?

— Он требует, чтобы отчет был готов завтра... Я что, робот? Нет у меня времени и сил! — услышал врач громкое бормотание проходящего мимо мужчины.

Алистер Петрович остановился, внимательно разглядывая лица прохожих. То, что он увидел, потрясло его: глубокое одиночество, заикленность на своих проблемах и бесконечные разговоры с собой и о себе...

— Господи! — произнес психиатр в сильном волнении. — Мы все — пациенты планеты Земля.

— Интересно, кто вас всех лечить будет? — басовито и с издевкой спросил врача... его внутренний голос.

Шкаф Неевклида, или Косячок для бабушки

О, дон Хуан!

О, донна Анна!

О, дочь их пылкая,

Мари Ху Ана!

— Всё начиналось в розовом шкафу.

— Что начиналось?

— Всё!

Я подошла, я дверь полуприкрыла. Чтобы не глючило. Но тут же вновь открыла: сияло солнце; древо зеленело; Адамо с Ево в том шкафу сидело.

— Бабушка, — сказал внук, — когда ты куришь сигарету "Vog", ты носом шмыгаешь, что, это аллергия?

Ловко внук сдвигал папиросную гильзу "Сальве", сухой рыжей невзрачностью трамбовал, говорил о свободе:

— А чужою она не бывает!

Я затянулась лишь четыре раза. И косячок вдруг сразу прекратился. Вошел весь целиком и растворился. И это было да, смешно и ново!

— О, авиолла, — голос неземной пел надо мной, — о, миа авиолла!

...Во все глаза глядел внучок

на мой погасший косячок...

А из гардероба выглянуло что?

Что! Ничего.

Чашки и чайники.

Угол из кухонного угла вмиг выдвинул себя гипотенузой, хотевшей катет, но — не совпадало с — слева прямоугольник в плоскость перешел, прошив насквозь.

Настало хорошо!

— Не обормоть! — прикрикнула на внука. — Башибузуку! Отдай башибузуку!

Очень смешно. Ресницы щекотали. Струились по диаметру щеки, стихая, смехи.

Чая, да покрепче! Побольше сахара! Две! Три! Нет, ложек шесть!

В движениях руки подмножества клубились. И множились. И квадратура круга свершалась.